

Русская революция 1917 года и становление нового типа деятельности общества

Автор рассматривает современность как переход от естественно-исторического к социально-историческому типу развития социума. Этот сложный переход осуществляется через социально-ориентированную деятельность на макро-и микроуровнях. Революция 1917 г. при всех своих противоречиях явилась проявлением данного процесса.

Ключевые слова: эпоха, революция, тип деятельности, потребности, интересы, кооперирование, конвергенция.

Владимир Фетисов

доктор философских наук, профессор факультета социологии СПбГУ

Дискуссии об Октябрьской революции, тлеющие словно горящие угли, вспыхнули с новой силой в связи с приближающимся юбилеем. Диапазон ее оценок весьма широк: от полного признания объективного характера до столь же категоричного его отрицания. Причем, в последнее время усилились попытки доказать историческую несостоятельность Октября тем, что Россия, дескать, была до него чуть ли не процветающей страной и ее развитие могло протекать весьма успешно не будь оно искусственно прерванным в 1917 г. Отсюда — поиски причин революции в сугубо субъективном русле — различных заговорах, злой воли большевиков, кознях маргиналов и т.д.

Вопрос о том, что представляла собой Октябрьская революция, не является чисто академическим. От ответа на него зависит признание или, наоборот, отрицание легитимности советской формы социализма как общественного строя, раскрытие причин его крушения и «второго издания» капитализма. Обращение к событиям столетней давности, с одной стороны, способствует выявлению тенденции современности, хотя жесткой, однозначной связи между прошлым и настоящим нет — история носит вариативный характер. С другой стороны, взгляд с позиций современности на прошедшее позволяет лучше понять его — последующие этапы динамики общества высвечивают суть предшествующих.

Среди различных исследований Русской революции 1917 г. — исторических и политологических, социологические занимают скромное место. Между тем, как представляется, без социологического освещения вряд ли можно в полной мере осмыслить ее как одно из важнейших событий минувшего столетия. Следует назвать, по крайней мере, две основные причины того, что тема революции оказалась отодвинутой на периферию внимания российских социологов. Одна из них — крушение социализма в России, создавшее у многих иллюзию отсутствия в истории альтернативы капитализму. «Цветные революции» в силу их искусственно созданного характера, не затрагивающего основ жизни, существенного влияния на теорию не оказывают. Другая причина — современная трактовка социологии, которая при всем разнообразии, как правило, сводится к тому, что данная наука изучает отдельные стороны и аспекты общества. Но если она не в состоянии охватить общество в целом, то ей трудно «дотянуться» до исследования революций, представляющих собой качественное преобразование всего социума.

Современная социология переживает кризис. Он выражается в нарастающей фрагментации и атомизации знания и, следовательно, в отсутствии системности содержания, в разрыве теоретического и эмпирического уровней исследований, господстве социологического номинализма и методологического индивидуализма. Отсюда вытекает ее низкая объяснительная, критическая и прогностическая способность, крайне слабая востребованность со стороны государства и общества. Ориентация социологии на расчленение социума, идущая от установок позитивизма, на наш взгляд, вызывает потребность в усилении в ней роли синтеза. Последний же органично связан с деятельностным подходом к обществу, который прослеживается в истории социологии. Он проявляется у таких раз-

ных теоретиков как К. Маркс и М. Вебер. Первый характеризовал историю как деятельность преследующих свои цели людей, второй выдвинул концепцию идеальных типов действий, показав, что в историческом плане общество движется от традиционной к ценностно-рациональной и далее к целерациональной деятельности.

В последнее время широкое распространение получила деятельность-активистская трактовка социума. По существу она была сформулирована Марксом в его утверждении о том, что люди, рождаясь при одних обстоятельствах, своей практической деятельностью создают новые обстоятельства, сами делают свою историю [1, с. 119]. Данный подход в той или иной мере развивается в трудах Дж. Александера, М. Арчер, П. Бурдьё, Эн. Гидденса, П. Штомпки. Странники этого направления стремятся удержать многое из классического наследия, совместить различные уровни анализа реальности [2, с. 18].

Представляется, что специфика социологии состоит именно в том, что она рассматривает различные общности, группы и индивиды как социальные образования и субъекты, их деятельность, отношения, формы общения и поведения, направленные в конечном счете на их собственное сохранение, воспроизводство и развитие. Социология не случайно начинает формироваться тогда, когда на арену истории выступают классы, нации и другие образования, способные рационально осознавать свои потребности и интересы, осуществлять деятельность в соответствии с ними.

Суть социологии в том, что она представляет собой теорию становления исторически нового типа деятельности, соответствующих ей форм отношений, общения и поведения. Хотя содержание данной науки шире и разнообразнее, но без понимания ее сути, получаемые эмпирическими способами знания нельзя вывести за пределы дескриптивности, решить проблему когерентности, превратить их в систему, являющуюся атрибутом любой науки. Следовательно, если социология есть теория исторических типов деятельности и соответствующих им форм взаимодействия людей, а революции и реформы — это, прежде всего, деятельность различных классов, партий и вождей, то данная наука в силу внутренней природы должна включать в орбиту своего анализа указанные явления. Попытаемся обосновать этот тезис и показать его эвристичность.

В ходе Русской революции 1917 г. происходит процесс формирования нового типа деятельности общества. Каждый исторический тип есть способ разрешения возникающих в социуме проблем, ответ на вызовы времени. Он детерминирован рядом факторов: состоянием производства и социальной структуры общества, степенью развития его основных образований как социальных субъектов, зрелостью политической элиты и т.д. И, тем не менее, можно говорить о типе деятельности как относительно самостоятельном по отношению к ним явлении.

Становление нового типа деятельности — сложный и противоречивый процесс. В общем виде оно может быть рассмотрено как движение от абстрактного к конкретному — от деятельности определенных политических партий к деятельности государства, а затем к обществу в целом. Одна из существен-

ных его черт, зримо заявившая о себе в конце XIX — начале XX вв., — заметный сдвиг от стихийности к рациональности. Причем, последняя принимает все более социальный характер, приобретает ориентацию на реализацию интересов все более широких слоев. В данном плане уже на рубеже XIX — XX вв. обнаружилось принципиальное различие между буржуазными и мелкобуржуазными партиями, с одной стороны, и социал-демократической партией (РСДРП), — с другой. Однако вскоре проявились разногласия и внутри последней, приведшие к ее расколу на большевиков и меньшевиков.

Последний общий съезд состоялся в 1907 году, затем их пути окончательно разошлись. Меньшевики выдвинули идею «широкой коалиции», сотрудничества с оппозиционными буржуазными кругами. Большевики отвергли эту концепцию, призывая к радикальным мерам, к реализации курса на социалистическую революцию. Линия меньшевиков получила обоснование в работах Г.В. Плеханова. Он считал, опираясь на марксистскую трактовку истории как последовательную смену различных общественно-экономических формаций, что Россия не созрела для перехода к социализму. Плеханов упрекал Ленина в игнорировании экономического фактора, настаивая на том, что Россия не готова перейти от капиталистической формации к социализму, поскольку капитализм еще не исчерпал своих возможностей. Известно его высказывание о том, что «...русская история еще не смогла той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма...» (3). Г.В. Плеханов в 1883 году создал первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда», многое сделал для распространения марксизма в России, являл собой пример крупного мыслителя, верного проводника нового учения. Ленин же был не только теоретиком, но и практиком. Он органично сочетал в себе черты революционера, политика и теоретика, что позволяло ему глубже видеть реальные проблемы и соединять их решение с перспективными целями. Во время революции радикальные лозунги были и у других партий, например, анархистов и левых эсеров. Но эти лозунги, как подчеркивает известный политолог Б. Кагарлицкий, должны были вписываться в понимание логики исторического процесса, в понимание того, что является следующей задачей. «Они должны работать на опережение. Все остальные партии отставали от процесса. Ленин был гениальным политиком именно потому, что он... понимал логику процесса и действовал на опережение: призывал к тому, чего еще нет. Все остальные работали с идеями, сформированными... в дореволюционный период...» [4].

Нельзя не согласиться и с историком А.С. Божичем, который характеризует «большевизм» «как уникальное явление синтеза революционной мысли и революционной практики, опосредованное личностью В.И. Ленина, а потому все время меняющееся, вернее, адаптирующееся к изменяющейся реальности России начала XX века» [5, с. 6]. Как далее пишет автор, попытки превратить «большевизм» в явление мирового порядка были обречены, но, тем не менее, он оказал громадное влияние на российскую и мировую историю. Все грани и аспекты этого влияния до сих пор объективно (т.е. с научных позиций) не изучены [5, с. 7].

Нацеленность на революционные действия у В.И. Ленина сопрягается с потребностями, интересами и настроениями широких масс, с особенностями конкретной обстановки в обществе, что нашло отражение в его теории революционной ситуации. В статье «Крах II Интернационала», опубликованной в 1916 году, он выделяет три ее признака. Первый означает «кризис» верхов, которые не могут править по-старому, тогда как «низы» не хотят жить по-старому, второй характеризует нужды среди угнетенных классов выше обычного и третий — предполагает активизацию народных масс, мобилизуемой как обстановкой кризиса, так и самими «верхами», принуждающие массы к историческому действию. Кроме того для превращения революционной ситуации в революцию должна быть налицо

способность революционного класса на массовое действие достаточно сильное, чтобы сломать старое правительство [6].

Способность революционного класса к решительным действиям только тогда приведет к результату, когда он возглавляется достаточно зрелой политической партией, что и показала Октябрьская революция 1917 г. Уже после революции П.А. Сорокин, будучи идейным противником В.И. Ленина, дал сходную трактовку революционной ситуации. Он лишь описал ее с помощью более точных понятий: дифференцировал «низы», выделив в них группы с разными ценностями и потребностями, показал мотивы их включения в борьбу и отхода от революции в зависимости от степени удовлетворения последних, описал неоднородность «верхов» и т.д. [7, с. 266-294].

После гражданской войны В.И. Ленин вновь обращается к своим оппонентам — сторонникам пассивного ожидания нужной для революции зрелости общества. Он критикует их за педантизм, рабское подражание прошлому, европейским образцам. Они, по его мнению, не поняли главного в марксизме — его революционной диалектики. По существу речь шла об отрицании ими социального творчества масс. В.И. Ленин далее предостерегает: сторонники II Интернационала не могут себе представить, что народ под влиянием безвыходности своего положения мог броситься на такую борьбу, которая открывает хоть какие-либо шансы на изменение к лучшему условий его существования. Признавая неразвитость России, он заявляет о том, что мы взяли власть и с ее помощью будем догонять другие народы [8, с. 36-39].

Способность В.И. Ленина как вождя к социальному творчеству спустя двадцать лет после Октябрьской революции довольно точно, на наш взгляд, охарактеризовал Н. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма». Отмечая верность Ленина марксизму, Бердяев подчеркивает, что он был русский и делал революцию в России как особой стране. Он обладал исключительной чуткостью к исторической ситуации. Ленин почувствовал, что его час настал благодаря войне, перешедшей в разложение старого строя. Нужно было сделать пролетарскую революцию в крестьянской стране. «И он почувствовал себя свободным от всякого марксистского доктринерства, с которым ему надоели марксисты-меньшевики» [9, с. 144]. Известный российский историк А. Шубин, отвечая на вопрос о том, дал ли Ленин массам перспективу более привлекательную, чем просто бунт, подметил точно, сказав, что он направлял их энергию в более рациональные формы, концентрировал и тем самым усиливал ее [10, с. 24].

После революции и гражданской войны внимание В.И. Ленина сосредоточено на актуальных задачах, решение которых должно привести, во-первых, к нормализации жизни общества, к возрождению нарушенных ее основ, и, во-вторых, способствовать продвижению к новому социальному строю. Прежде всего речь идет о НЭПе, суть которого в литературе порой сводят к восстановительной и временной функции, что верно, но недостаточно. Как показывает современный опыт ряда стран, конвергенция различных социальных систем, а НЭП был таковой, представляет собой длительную и самостоятельную полосу в развитии общества.

Особое место в разрабатываемой Лениным новой политике занимает тесно связанная с НЭПом проблема кооперирования крестьянства. Он критикует старых кооператоров (имеются в виду Ш. Фурье и Р. Оуэн) за их иллюзию преобразования общества, не изменяя основ государственной власти. Теперь, после свержения господства эксплуататоров, задача кооперирования населения становится главной. Строй цивилизованных кооператоров, по его убеждению, при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией есть строй социализма. Он теоретически обосновал и особо подчеркивал необходимость всемерной поддержки и материальной помощи кооперации со стороны государства [8, с. 28-35].

Кооперирование населения с точки зрения формирования нового типа деятельности общества важно потому, что оно представляет собой способ сочетания индивидуальных и групповых интересов, а последних с интересами общества в целом. По существу эта трансформация интересов есть важнейшая сторона формирования индивидов и различных объединений как социальных субъектов, способ приобщения их к деятельности социума. Кооперативный строй, как отмечал В.И. Ленин, предполагает действительное участие действительных масс населения.

С указанной выше позиции, на наш взгляд, следует интерпретировать и другие, поднимаемые Лениным актуальные проблемы. Среди них — осуществление культурной революции, без которой невозможен процесс формирования индивидов как сознательных и активных деятелей. Другая важная задача — создание необходимых для движения к новому строю материальных, технологических и технических предпосылок, условий и средств. Не случайно уже в первые годы советской власти уделялось столь большое внимание электрификации всей страны (план ГОЭРЛО).

Значительное место в последних работах В.И. Ленина занимают проблемы национальных отношений и отношения между классами, вопросы руководства обществом, состояние в партии, подстерегающие ее опасности — раскол, отрыв от масс, бюрократизация и т.д. С этих позиций он дает характеристику наиболее крупным деятелям партии и государства [8, с. 4-5].

Таким образом, можно утверждать: разрабатываемые В.И. Лениным меры по существу были направлены на формирование нового типа деятельности общества. Основными его чертами, как указывалось, являются постановка и сочетание стратегических и тактических целей в соответствии с потребностями и интересами большинства, привлечение к их сознательной реализации все более широких слоев, создание для ее развертывания необходимых предпосылок, условий и средств, определенная зрелость политического руководства и т.д. Если до революции в деятельности большевистской партии доминировала марксистская теория и вытекающие из нее перспективные задачи, то в рассматриваемый период на первом плане — анализ и обобщение практики.

В концепции революции П. Сорокина выделяются две фазы: первая — разрушительная и вторая, следующая за ней, — репрессивная. Усилия В.И. Ленина в этом отношении направлены на превращение разрушительной стадии в стадию созидательную. Если выражаться языком Э. Фромма, то можно сказать, что речь шла о трансформации активности масс по обеспечению свободы от эксплуатации в свободу для действий в их собственных интересах. И вряд ли правомерно возлагать вину на Ленина и большевизм за то, что этот процесс впоследствии был деформирован.

Отступление от принципов формирующейся новой деятельности общества было вызвано как объективными, так и субъективными обстоятельствами. К первым следует отнести экстремальные условия, в которых оказалась советская страна в результате враждебности окружающего мира. Естественно, сказались и отсталость России, на чем делали акцент меньшевики, что не могло не сказаться негативно на ускоренных способах модернизации общества. Ко вторым — личные свойства политических руководителей, прежде всего И.В. Сталина, их узкий прагматизм, теоретическую ограниченность, догматизм, отсутствие демократизма и т.д. Борьба за власть, развернувшаяся после Ленина, обернулась уничтожением ленинской гвардии. Все это привело к свертыванию демократии, как в партии, так и в обществе, к чрезмерной централизации власти, ограничению самостоятельности и инициативы на разных уровнях, к созданию административно-командной системы. И, тем не менее, несмотря на все изъяны советского строя, новая форма жизнедеятельности общества, воплотившаяся в ней, показала свою эффективность. Она выразилась в интенсивной модерни-

зации страны, в культурной революции, в победе над фашистской Германией, в покорении атомной энергии и освоении космоса, в социальной защите граждан, в доступности образования и здравоохранения, в социальной мобильности... Эти достижения несопоставимы с теми, которые имели место в царской России и которые могли быть, если бы ее эволюция протекала в прежнем русле.

Становление сознательной, целерациональной деятельности социальных систем представляет собой общую для мира тенденцию. Она проявляется в разной степени и форме в различных странах. Выйти за пределы отдельных образований и увидеть общее между ними — задача научного анализа, в данном случае — социологии. Указанная тенденция, на наш взгляд, определяет содержание современной эпохи. Существует множество ее трактовок. Одна из них — формационная. Согласно ей история есть не что иное, как последовательная смена различных общественно-экономических формаций, а современная эпоха — это переход от капитализма к социализму. Отсюда выводились ее основные противоречия, способы и средства их разрешения, движущие силы, роль политических объединений и партий. Данная трактовка эпохи во многом определяла внутреннюю и внешнюю политику СССР и других социалистических государств. Однако со временем она все больше начинает расходиться с реальными процессами. Мир социализма не смог укрепить свои позиции и двигаться дальше в заданном в начале направлении. Рабочий класс, трудящиеся западных стран и освобождающиеся от колониализма народы отнюдь не стремились к созданию нового строя. Таким образом, хотя данная концепция уделяла внимание деятельности различных общностей, но игнорировала ее непосредственную направленность.

Другое, распространенное сейчас определение современности исходит из трактовки истории как перехода от традиционного к индустриальному, а от него и постиндустриальному обществу. Оно также вызывает серьезные возражения, ибо непосредственно выводит уровень и качество жизни населения из состояния технологии и техники, игнорируя тем самым содержание форм собственности и отношений, интересы различных слоев и характер их деятельности.

Сторонники третьей основной трактовки современности исходят из того, что любая эпоха представляет собой совокупность различных, относительно замкнутых образований — цивилизаций, каждая из которых индивидуальна и неповторима. Отсюда следует, что выявление каких-либо общих тенденций не имеет смысла. Современная эпоха характеризуется в ней множественностью цивилизаций, мир в целом — мозаичностью, что дает основание для неограниченного плюрализма мнений о нем.

Особенность современной эпохи, по нашему мнению, заключается в том, что в ней интенсивно и экстенсивно происходит переход человечества от естественно-исторического к социально-историческому типу развития. Данная тенденция проявлялась и в предыдущие периоды, но в последнее время она приобретает новые качественные характеристики. Различные социальные общности и образования сегодня не могут сохраняться и развиваться, не трансформируясь в субъекты определенной целерациональной деятельности, не включаясь в адекватные ей формы отношений и общения. Там, где этот процесс деформируется и тормозится, происходит деградация общностей и индивидов как социальных образований, что по мере возрастания масштабов угрожает разрушению современной цивилизации.

М. Вебер, как известно, высшим типом считал целерациональную деятельность. Однако она имеет различную направленность. Одна проявляется в индивидуальном и групповом эгоизме, что выражается в абсолютизации своих потребностей и интересов в ущерб нуждам других. В этом плане следует рассматривать целерациональную деятельность отдельных клас-

сов, этносов, слоев, корпораций и организаций. Показательная эволюция ряда наций: от деятельности по обеспечению своей политической независимости и безопасности до признания себя высшей, господствующей общностью и вытекающих отсюда агрессивных действий по отношению к другим. Можно полагать: определенная стадия в развитии человечества связана со становлением различных общностей субъектами такой целерациональной деятельности, где доминирующим мотивом являются исключительно собственные интересы. Общество, состоящее из подобных образований, вряд ли может стать единым субъектом сознательной деятельности.

Исторически новым этапом развития целерациональной деятельности является приобретение ею социального характера, направленности на реализацию общих интересов. Речь идет об определенной сопряженности действий отдельных единиц с деятельностью общества в целом, что придает последнему качества действительного субъекта. Но для такой трансформации необходимо создание соответствующих предпосылок, условий и средств — преобразование форм собственности, социальной структуры, государства и т.д. Октябрьская революция 1917 г. при всех своих изъянах и «перегибах» объективно, потенциально и была направлена на перевод общества из стихийной в сознательную, социально ориентированную форму развития. Во многом благодаря этому впоследствии обществу удалось совершить ускоренную модернизацию, обеспечить свою безопасность, отстоять независимость, развивать производство, науку, образование и здравоохранение.

Особая роль в становлении общества как субъекта целерациональной деятельности принадлежит государству. Это продемонстрировала не только Россия после Октября 1917 г., но и многие другие страны, особенно в кризисных ситуациях, угрожающих сохранению общества. Так, Ф. Рузвельт провел ряд глубоких реформ, осуществил «новый курс» в целом благодаря усилению роли государства, что вызвало шквал обвинений его в большевизме.

Суть социальной политики немецкого «экономического чуда», проведенной в послевоенной Германии под руководством Л. Эрхарда, сводилась к «преодолению плюрализма противоречивых общественных интересов путем приведения к общему знаменателю всеобщего благосостояния» (11, с.9). Близки к данному принципу и те подходы, которые были положены в основу радикальных преобразований в ряде стран Юго-Восточной Азии второй половины прошлого века. Они, как известно, способствовали ликвидации экономической отсталости и массовой нищеты. Успехи Китая, Вьетнама, Индии, где происходит сочетание принципов различных социальных систем, также во многом обеспечены ролью государства как интегратора интересов различных слоев, приведения их в той или иной степени к «общему знаменателю»

Становление различных общностей, объединений и индивидов социальными субъектами — сложный и длительный процесс, который, как показывает история, нередко сводится то к одной, то к другой крайности. В послереволюционной России, как указывалось, важную роль в нем принадлежала кооперированию населения. Современность заставляет совершенствоваться прежние и искать новые формы и способы его реализации. В этом отношении важно иметь в виду явление, получившее название «градиент цели». Он показывает силу мотивации действующих лиц в зависимости, во-первых, от того, насколько поставленные цели реально достижимы и, во-вторых, в какой мере они соответствуют их потребностям, интересам и ценностям. Приближение к реализации таких целей усиливает мотивацию людей, повышает эффективность их деятельности. И, наоборот, если поставленные «сверху» цели не обладают указанными свойствами, то мотивация и активность ослабевают или исчезают совсем. В последнем случае в качестве компенсаторного фактора выступает внешнее принуждение и его крайняя форма — насилие.

В данном плане использование рыночных принципов способствует повышению мотивации и активности определенных слоев населения, устраняет те лакуны в производстве, обслуживании, торговле, которые образуются при административно-командной системе. Включение рынка в общественное производство при сохранении доминирующей роли социально ориентированного государства доказало свою эффективность в ряде стран, но особенно заметно оно проявляется в процессах конвергенции, активно протекающих в Китае и Вьетнаме. Эти страны демонстрируют успехи на фоне общей нестабильности и кризисов в мире (12). Конвергенция представляет собой сознательное использование в различных сферах возможностей и государства, и рынка. Функции государства, прежде всего, заключаются в формировании стратегии развития общества, координации мер по её реализации, поддержании принципов социальной справедливости и определенного уровня равенства... Назначение рынка — обеспечение частной инициативы, свободы предпринимательства, приобщение к деятельности различных слоев на основе их потребностей и интересов. Современный мир с помощью науки постепенно преодолевает как утопию всемогущества государства с его директивным планированием, так и утопию «свободного рынка». Он ищет «золотую середину». Однако, как замечает известный экономист Р. Гринберг, если в мире рыночный фундаментализм умирает, то в России он расцветает (13).

Использование рыночных механизмов как средства включения в сознательную, целерациональную деятельность общества широких слоев было продемонстрировано, что отмечалось, ещё на заре советской власти в результате введения новой экономической политики. Но оно эффективно при определенных условиях — наличии действительно социально ориентированного государства и соответствующих политических партий. В противном случае наступает господство рынка, ведущее к социальной поляризации общества, нарушению баланса между интересами большинства и меньшинства, равенством и свободой, централизацией и децентрализацией, социальными целями и средствами.

Главное в интересующем нас плане заключается в том, что искажается и тормозится процесс формирования субъектов целерациональной, социально ориентированной деятельности на всех уровнях. Прежде всего, это проявляется, как отмечает ряд социологов, в отсутствии четких и понятных людям стратегиях развития общества, способах их реализации, в чувстве неуверенности и тревожности большинства населения страны [14]. По итогам большого социологического исследования, проведенного в течение 2014–2016 гг, «...были выявлены три главных аспекта самовосприятия «среднестатистического россиянина» — безопасность, комфорт ближайшего окружения, самостоятельность. При этом активистская компонента, готовность к действию и ответственность прослеживается только на короткой дистанции...» [15, с. 12]. Даже наиболее активная и деятельная часть общества, согласно результатам данного исследования, ориентируется на качество индивидуального действия, солидарность и коллективизм востребованы ими столь же мало, как и «обывателями» [15, с. 12].

Переход от естественно-исторического к социально-историческому типу развития, проявляющийся в социально ориентированной целерациональной деятельности на разных уровнях, не может успешно протекать без теоретического обеспечения, в котором особая роль принадлежит социологии. Применительно к конкретному обществу сказанное означает объективное выявление существующих предпосылок и условий, анализ потребностей и интересов различных слоев, обоснование на этой основе вектора и стратегии развития общества, способов и средств в их реализации. Функции науки далее заключаются в сопоставлении полученных по истечении определенного времени результатов с целями и в выработке рекомендаций относительно коррективов в последующую деятель-

ность в зависимости от степени их совпадения. Диапазон их соотношения в реальности, естественно, весьма широк — от принципиального совпадения до полного расхождения, что, кстати, нашло отражение в знаменитой черномырдинской фразе: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». В данном плане важен сравнительный анализ российских и китайских реформ, осуществляемый рядом социологов. Задача сегодня, как представляется, заключается не только в том, чтобы отыскать в Октябрьской революции и социализме все новые и новые «темные пятна», в чем в последнее время мы сильно преуспели. Она состоит и в раскрытии тех социальных проблем, решением которых пусть и в несовершенной форме они являлись. Она далее видится в анализе связанных с прежними проблемами современных тенденций, поиске оптимальных способов и средств их реализации.

Н.Бердяев, сравнивая Петра I и В.И. Ленина, отмечает много сходных черт в их деятельности — насилие, навязывание сверху народу принципов, прерывность органического развития, гипертрофирование государства и т.д. Однако он делает главный вывод: «...Большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности; в этом ее значение» [9, с. 13]. В данной связи возникают вопросы: является «второе издание» капитализма в стране исправлением деформаций и продолжением указанного процесса? Представляет ли оно адекватный ответ на вызовы времени или выступает в качестве архаической реакции на него, порождая множество неорганических и дисфункциональных социальных нововведений?

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 8. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.
2. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. — СПб., 2009. — 138 с.
3. Плеханов Г.В. Логика ошибки. URL: <http://libelli.ru/works/gvp.htm>.
4. Интервью Т.Рахматулина с Б.Ю.Кагарлицким. URL: <http://www.dyktatyr.info/?p=5452>.
5. Божич А.С. Большевизм. Шахматная игра с Историей. — М., 2009. — 512 с.
6. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч., т. 26.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. / Под ред. А.Ю.Согомонова. М.: Политиздат, 1992, — 543 с.
8. Ленин В.И. Последние письма и статьи. 23 декабря 1922 г. — 2 марта 1923 г. М.: Политиздат, 1971.
9. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — СПб, 2016. — 224 с.
10. Шубин А. Ленин верил в коммунизм, который обещал // Историк, 2017, № 4.
11. Эрхард Л. Полвека размышлений: речи и статьи. М., 1993.
12. Новое интегральное общество: Общие теоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г.Н.Цаголова. — М.: Ленанд, 2016. — 256 с.
13. Гринберг Р.С. Равенство без равновесия? Как достичь баланса между свободой предпринимательства и справедливостью? // Поиск, № 29-30, 24 июля 2015.
14. Российское общество: взгляд в будущее (материалы «круглого стола» // Социс, 2017, № 6.
15. Горшков М.К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 2) // Социс, 2017, № 1.